

Фронт ушел на запад. Страшные следы оставила после себя война. На территории района серьезным разрушениям подверглись 33 деревни, около 1472 жилых дома, 2107 хозяйственных построек, 40 зданий культурно-бытового назначения. Без крова осталось около 6 тысяч человек. Местная промышленность была полностью разрушена. Серьезно пострадало сельское хозяйство, сократились посевные площади и поголовье скота. Населению Каменецкого и Высоковского районов предстояла длительная и тяжелая работа по восстановлению разрушенного хозяйства.

Список использованных источников и литературы

1. Гудериан, Г. Воспоминания солдата / Г. Гудериан. – Смоленск, 1998. – 656 с.
2. Новік, Г. На досвітку 22 чэрвеня... / Г. Новік // Навіны Камянецчыны. – 2010. – 10 чэрвеня. – С.7.
3. Памяць. Камянецкі раён: Гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / А.Л. Петрашкевіч [і др.]; пад агульнай рэд. А.Л. Петрашкевіч. – Мінск: Ураджай, 1997. – 526 с.
4. Сандалов, Л.М. Пережитое / Л.М. Сандалов. - Москва, 1961. – 125 с.
5. Іваноўскі, М. Верыў, што не загіну... / М. Іваноўскі // Навіны Камянецчыны. – 2005. – 19 студзеня. – С. 2.
6. Скалковіч, В. Плакала неба слязамі-дажджом / В. Скалковіч // Навіны Камянецчыны. – 2010. – 10 красавіка. – С.3.
7. Азонава, Е. Суд над фашызмам / Е. Азонава // Навіны Камянецчыны. – 1987. – 24 сакавіка. – С.3.
8. Мусевіч, Г. Мой горад / Г. Мусевіч. – Каменец, 1996. – 25 с.
9. Мусевіч, Г. Трагедыя высокаўскай яўрэйскай абшчыны / Г. Мусевіч // Навіны Камянецчыны. – 2010. – 4 жніўня. – С. 2.
10. Яфімовіч, У. Уклад у перамогу / У. Яфімовіч // Навіны Камянецчыны. – 1999. – 08 мая – С. 2.
11. Яфімовіч, У. Дарогі нашай памяці / У. Яфімовіч // Навіны Камянецчыны. – 2005. – 20 ліпеня. – С. 2.
12. Васілеўскі, Н. Жыцце выпрабаванае часам / Н. Васілеўскі // Навіны Камянецчыны. – 2008. – 07 сакавіка. – С. 7.
13. Мамус, М. У напрамку да дзяржаўнай граніцы / М. Мамус // Навіны Камянецчыны. – 2006. – 29 ліпеня. – С. 2.
14. Всенародная борьба в Белоруссии против фашистских войск в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. / под общей А.Н Мазеко. – Минск, 1985. – Т. 3. – 523 с.

НАПАДЕНИЕ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ НА СССР И ПОЗИЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Литвиновский И.А.

Белорусский государственный университет, г. Минск;

Литвиновская Ю.И.

УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», г. Минск

Отношения Советского государства с Великобританией и США после 1917 г. были весьма непростыми. В англо-советских отношениях непродолжительные оттепели чередовались с длительными похолоданиями. Только в марте 1935 г., впервые за 18 лет советской власти, СССР посетил министр английского правительства. Это был лорд-хранитель печати А. Иден. США на протяжении 16 лет, вплоть до ноября 1933 г.,

вообще не признавали Советское государство. К этому времени стрелка барометра, определявшего состояние международной атмосферы, всё чаще стала склоняться к непогоде. Мир вступал в опасный период своего развития. В этих условиях, как писала в то время американская печать, возрастала роль Советского Союза как барьера против агрессии и со стороны милитаристской Японии, и со стороны гитлеровской Германии.

В конце 1930-х—начале 1940-х гг. возникли дополнительные трудности во взаимоотношениях СССР с США и Великобританией. Изменение внешнеполитического курса Советского Союза в сторону сотрудничества с Германией, заключение с ней Договора о ненападении, разделение сфер влияния в Восточной Европе, вооруженный конфликт с Финляндией вызвали негативную реакцию как на Британских островах, так и за океаном. Советский Союз был исключён из Лиги Наций, США объявили «моральное эмбарго» на торговлю с СССР. В американских военных планах Советский Союз рассматривается как противник, который может вступить в войну на стороне Германии [4, с. 14]. Усиливается дипломатическая дуэль. Советские представители в Вашингтоне и американские в Москве характеризуют правительства стран пребывания в самых жестких выражениях. Советник советского посольства в Вашингтоне А. Громыко пишет о «зверинной ненависти к СССР самого Рузвельта», а посол США в Советском Союзе Л. Штейнгардт о том, что психология советских руководителей «признает только твердость, мощь и грубую силу, отражая примитивные инстинкты и реакции, лишённые сдерживающих начал цивилизованности» [4, с. 12, 14].

Однако руководители правительств США и Англии Ф. Рузвельт и У. Черчилль далеко не во всем разделяли точку зрения критиков Советского Союза и не склонны были основательно портить отношения с Москвой.

В начале апреля 1940 г. в Вашингтоне начались двусторонние переговоры об улучшении торгово-экономических отношений. С советской стороны в них участвовали полпред СССР в США К.А. Уманский и советник полпреда А.А. Громыко, с американской — руководителем госдепартамента во главе с заместителем государственного секретаря С. Уэллесом. Переговоры были длительными и трудными и проходили с перерывами. Серьезным осложняющим моментом была позиция правительства США по вопросу о вхождении Прибалтийских республик в состав СССР. Однако и в этом положении стороны пытались найти основы для компромисса, исходя из интересов своих стран. При этом американскому правительству приходилось учитывать непрерывно меняющуюся, в сторону укрепления положения агрессивных государств, обстановку в мире. В этой ситуации позиция Советского Союза, даже в качестве нейтральной страны (СССР 17 сентября 1939 г. уведомил все государства, с которыми он поддерживал дипломатические отношения, что в начавшейся войне будет проводить политику нейтралитета), могла быть весьма важной и полезной для Соединенных Штатов. Не случайно в заявлении государственного департамента от 1 июля 1940 г. говорилось, что американское правительство готово сотрудничать с СССР и поддерживать нормальные торговые отношения, которые возможны при нынешнем международном положении.

А 27 июля заместитель государственного секретаря С. Уэллес, принимая полпреда К.А. Уманского, сделал весьма недвусмысленное заявление, безусловно выражая точку зрения президента Ф. Рузвельта: «Пора обеим странам подумать не только о нынешних отношениях, но и о будущих месяцах и годах, которые, быть может, для обеих держав будут чреваты новыми опасностями. Не пора ли устранить источники трений, которых и без того достаточно во всем мире, и ликвидировать остроту, создающуюся в отношениях между нашими странами» [4, с. 167, 168].

Президент Соединенных Штатов не верил в долговременный характер советско-германских отношений на основе Пакта о ненападении и Договора о дружбе и границе и не склонен был доводить американско-советские отношения до серьезного обострения.

А в скором времени сомнения Ф. Рузвельта окончательно развеялись – в Вашингтон начали поступать сведения о разрабатываемых в военных ведомствах Германии планах войны против Советского Союза. В этой обстановке американско-советским торгово-экономическим переговорам был дан новый положительный импульс. 22 января 1941 г. государственный департамент отменил «моральное эмбарго» на торговлю с СССР [3, с. 169]. И хотя напряженность в советско-американских отношениях полностью не была снята, наметилась положительная динамика в их развитии. Она проявилась, в частности, в том, что при обсуждении в конгрессе закона о ленд-лизе правительство Ф. Рузвельта не допустило включения в него положения о запрещении распространения действия закона на Советский Союз в случае войны между Германией и СССР.

Характеризуя подходы Ф. Рузвельта к решению внешнеполитических проблем, известный российский историк-американист Р.Ф. Иванов отмечал, что с самого начала Второй мировой войны он, как своими заявлениями, а главным действиями четко показал, что является убежденным противником фашистской Германии. Несмотря на то, что США были нейтральной державой, президент неоднократно и убедительно демонстрировал свою готовность оказывать всемерную помощь Великобритании. По мере активизации в Соединенных Штатах поддержки Англии и роста антигерманских настроений усиливается интерес и правительства, и общественности к Советскому Союзу. Поступавшая по линии разведывательных служб информация свидетельствовала о том, что Германия готовится к нападению на Советский Союз. А это неизбежно должно было привести к новой резкой переориентации внешнеполитического курса СССР от дружбы с Германией к сближению со странами, придерживавшимися антигерманской политики [1, с. 85–87].

У. Черчилль возглавил правительство Великобритании 10 мая 1940 г. В этот же день немецкие войска вторглись на территорию Бельгии, Голландии и Люксембурга. 22 мая они уже были на берегах Ла-Манша. В условиях перенесения Гитлером театра военных действий на территорию стран Западной Европы Англия была жизненно заинтересована в нормализации отношений с Советским Союзом. Большие надежды У. Черчилль связывал с назначением нового посла в Москве. «Посол Его Величества» в СССР У. Сиддс в начале января 1940 г., в условиях обострения англо-советских отношений в результате советско-финской войны, демонстративно отбыл в «отпуск» на родину и ситуация с его возвращением обратно была абсолютно неясной. Выбор премьер-министра пал на Ст. Криппса, человека левых взглядов, депутата парламента от лейбористской партии, лидера Социалистической лиги. Криппс был сторонником англо-советского сотрудничества и всячески стремился этому способствовать. У. Черчилль намеревался направить Ст. Криппса в Москву в качестве «посла со специальной миссией», но советское правительство заявило, что готово принять его только как регулярного посла.

28 июня 1940 г. Ст. Криппс вручил верительные грамоты М.И. Калинину, а 1 июля его принял И.В. Сталин. Английский посол передал ему послание У. Черчилля. Британский премьер-министр писал о своем желании «всесторонне обсудить с Советским правительством любую из огромных проблем, возникших в связи с нынешней попыткой Германии проводить в Европе последовательными этапами методическую политику завоевания и поглощения» [8, с. 74].

Выполняя поручения У. Черчилля, Ст. Криппс развернул в Москве энергичную деятельность, пытаясь втянуть Советское правительство в переговорный процесс. Он встречался с высшими советскими руководителями – И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, неоднократно имел беседы с заместителем наркома иностранных дел А.Я. Вышинским.

При помощи своего посла в Москве Англия, как впоследствии писал У. Черчилль, вела «...терпеливую политику, которая заключалась в том, чтобы попытаться восстановить с Россией отношения, основанные на доверии; мы полагались на ход событий и на коренные противоречия между Россией и Германией» [8, с. 72]. Но Советский Союз проводил весьма осторожную политическую линию. Принимая во внимание начавшее ухудшаться отношения с Германией, было бы большим риском положительно отреагировать на предложения У. Черчилля о проведении ширококомасштабных переговоров с Англией. Это моментально было бы использовано Гитлером для обвинения СССР в нарушении Договора о ненападении, а Советский Союз был очень заинтересован в возможно длительном сохранении мирных отношений с Германией. В условиях уже польхавшей Второй мировой войны каждый мирный день работал на укрепление обороноспособности Советского государства.

И поэтому Сталин не ответил на письмо Черчилля от 25 июня 1940 г. Но в Москве принимали и выслушивали британского посла, делали все, чтобы избежать и обострения отношений с Англией. В итоге Ст. Криппс докладывал в Лондон в конце марта 1941 г., что поведение советских руководителей свидетельствует о желании «подготовить почву для возможного сближения с нами» [3, с. 165].

Как в Лондоне, так и в Вашингтоне прекрасно осознавали, насколько будет зависеть исход Второй мировой войны от позиции СССР. Неслучайно государственный секретарь США К. Хэлл заметил однажды, что «Россия, как в полусонном, так и в активном состоянии, есть и будет огромным фактором в вопросах войны и мира в Европе и в Азии...» [4, с. 16].

Угроза оккупации Британских островов, возможность установления морской блокады побережья США, возникновение прямой опасности для всего Западного полушария – эти и другие тревоги прозвучали в обращении Ф. Рузвельта к американскому народу 27 мая 1941 г. Президент заявил, что нацисты после завоевания Латинской Америки «планируют далее задушить Соединенные Штаты и доминион Канаду» [5, с. 9]. А поэтому поиск союзников для противодействия разрастающейся агрессии со стороны фашистской Германии приобретал все большее значение как для Ф. Рузвельта, так и для У. Черчилля. Изменяющаяся же в пользу агрессоров стратегическая обстановка требовала от руководителей западных стран взвешенного подхода в отношении СССР.

В силу этих обстоятельств вопросы об оказании возможной помощи Советскому Союзу Рузвельт и Черчилль начали обсуждать еще до начала Великой Отечественной войны, когда для западных лидеров стали абсолютно ясными планы Гитлера. 15 июня 1941 г. У. Черчилль обратился к Ф. Рузвельту с целью выяснить его точку зрения по этому вопросу. «Судя по сведениям из всех источников, имеющихся в моем распоряжении, в том числе и из самых надежных, – писал он, – в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию. ...Если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, – это Гитлер. Я не ожидаю какой-либо классовой политической реакции здесь и надеюсь, что германо-русский конфликт не создаст для Вас никаких затруднений» [9, с. 189].

В связи с приближением даты начала войны против Советского Союза в администрации президента Ф. Рузвельта также изучался вопрос о позиции Соединенных Штатов. Американский исследователь Г. Фейс пишет, что стремление У. Черчилля оказать помощь России вызвало негодование в американском внешнеполитическом ведомстве [7, с. 11]. Его позиция была изложена 21 июня 1941 г. в специальном меморандуме

европейского отдела государственного департамента «О позиции США в отношении СССР в случае начала войны между Советским Союзом и Германией». Госдепартамент рекомендовал президенту огласить позицию США только после обращения Советского правительства за помощью, а американская поддержка могла заключаться практически только в смягчении ограничений на экспорт в СССР нужных ему военных материалов. При этом подчеркивалась необходимость осуществлять экономическую поддержку СССР на принципах взаимной выгоды, акцентируя внимание, в то же время, на наличии существенных идеологических противоречий между двумя государствами [3, с. 185; 4, с. 17].

Однако точка зрения Ф. Рузвельта на грядущий конфликт между Германией и СССР значительно отличалась от мнения экспертов из внешнеполитического ведомства. Президент склонялся к мысли заявить о поддержке Советского Союза в войне. Он был полностью солидарен с британским премьер-министром и считал возможным публично поддержать любое заявление, которое У. Черчилль может сделать, «приветствуя Россию как союзника» [9, с. 190].

Ф. Рузвельт срочно направил, находившегося в тот момент в Вашингтоне, американского посла в Англии Д. Уайнанта в Лондон с тем, чтобы тот мог лично довести до сведения У. Черчилля позицию президента США.

Что касается У. Черчилля, то острая необходимость появления у Англии могучего союзника на противоположном конце Европы им была осознана в самом начале руководства военным кабинетом. Уже в своем первом послании Сталину от 25 июня 1940 г., то есть направленном через три дня после капитуляции Франции, он писал, что перед Европой, «включая обе наши страны», стоит проблема: «как будут государства и народы Европы реагировать на перспективу установления германской гегемонии над континентом». Черчилль отмечал, что после подписания советско-германского Пакта о ненападении обстановка изменилась, «появился новый фактор, который, как я осмеливаюсь думать, делает желательным для обеих наших стран восстановление нашего прежнего контакта...» [8, с. 73].

Давая оценку сложившейся в Европе ситуации и практически предлагая сотрудничество в ее разрешении, У. Черчилль, понимая, насколько сложным было положение СССР в данный момент, писал И. Сталину, что только сам Советский Союз может судить о том, угрожает ли его интересам нынешняя претензия Германии на гегемонию в Европе, и если да, то каким образом эти интересы могут быть как можно лучше ограждены [8, с. 74].

Вместе с тем в послании У. Черчилля весьма явственно прослеживалась заинтересованность Англии в том, чтобы Советский Союз предпринял решительные действия против Германии. Более того, это первое прямое обращение британского премьера к И. Сталину всецело было проникнуто духом подталкивания СССР к подобным действиям. И это неудивительно. В условиях нависшей над Великобританией опасности, она жизненно нуждалась в поддержке. «Первый период войны, – писал известный специалист по военной истории профессор Фолс, – был гибельным для Англии... И хотя Англия все еще имела слабые, в действительности очень слабые шансы на то, что она выживет, она не имела ни малейшего основания для надежды на победу... В действительности существовала только одна надежда. Две величайшие силы мира все еще не участвовали в войне – это Соединенные Штаты и Советская Россия. Имея их в качестве союзников, Англия могла рассчитывать на победу» [3, с. 185].

21 июня 1941 г. американский посол в Великобритании Д. Уайнант, вернувшись в Лондон, посетил У. Черчилля и проинформировал его о позиции Ф. Рузвельта в связи с

приближающимся нападением Германии на Советский Союз. А в 8 часов утра следующего дня премьер-министру сообщили о начале войны. Очевидцы свидетельствуют о чувствах «чрезвычайного облегчения, неожиданного освобождения от гнета», которые охватили Черчилля и всех присутствующих. Англия уже была не одинока в войне с Германией, у нее появилась надежда [3, с. 185–186].

В тот же день, в 9 часов вечера, У. Черчилль выступил со специальным заявлением по радио. Его главная мысль состояла в том, что Британская империя полна решимости «уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. ...Мы никогда не станем договариваться, – говорил премьер-министр, – мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером... Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь... Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем... Его (Гитлера) вторжение в Россию – это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова.

Поэтому опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара» [9, с. 192–193].

Реакция правительства Соединенных Штатов на начало Великой Отечественной войны была более сдержанной, чем Великобритании. Первое официальное заявление правительства прозвучало 23 июня во время пресс-конференции, которую провел исполняющий обязанности государственного секретаря С. Уэллес. «По мнению правительства Соединенных Штатов, – заявил он, – любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускорят неизбежное падение нынешних германских руководителей, и тем самым будут способствовать нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии сегодня главная опасность для американского континента» [3, с. 188].

Выступление Ф. Рузвельта прозвучало 24 июня. Он заявил, что США готовы оказать Советскому Союзу всю возможную помощь. Правда президент не стал этот вопрос конкретизировать, а добавил, что значительная часть поставок будет по-прежнему направляться в Англию и что американская помощь СССР может быть эффективной только в случае длительной войны [2, с. 27].

Позиция администрации Ф. Рузвельта, направленная на поддержку Советского Союза в войне, была подтверждена и по дипломатическим каналам. 26 июня и.о. госсекретаря С. Уэллес заявил советскому послу в Вашингтоне К. Уманскому: «Американское правительство считает СССР жертвой неспровоцированной, ничем не оправданной агрессии. Американское правительство... считает, что тот отпор этой агрессии, который дается сейчас народом и армией СССР, не только продиктован... борьбой за честь и свободу СССР, но и соответствует историческим интересам Соединенных Штатов Америки. Поэтому, в соответствии с заявлениями, уже сделанными президентом, американское правительство заверяет советское правительство, что оно готово оказать в этой борьбе всю посильную поддержку в пределах, определяемых производственными возможностями США и его наиболее неотложными нуждами» [5, с. 45–46].

Таким образом, в первые же дни Великой Отечественной войны политические лидеры двух крупнейших государств мира США и Великобритания решительно осудили германскую агрессию против СССР и вполне определенно заявили, что их страны поддержат Советский Союз в войне с Германией. Позиция Ф. Рузвельта и У. Черчилля, помимо того, что она была продиктована интересами собственной безопасности их стран, опиралась также на серьезную общественную поддержку. Проведенный, например, институтом Гэллага опрос общественного мнения показал, что 72% американцев высказались за победу СССР и только 4% – за победу Германии [5, с. 10]. Британцы в

свою очередь отчетливо осознавали, что в сложившейся обстановке без эффективной помощи извне – от США и СССР они не могут рассчитывать на победу в войне [6, с. 8].

Однако, отдавая должное политическому реализму руководителей США и Великобритании, не следует забывать, что там проявляли немалую активность и влиятельные силы, занимавшие иную позицию в отношении СССР. Сказывалась неприязнь к советскому социально-экономическому и общественно-политическому устройству, отрицательное отношение к недавнему советско-германскому сближению, политике СССР в отношении Финляндии, включению в состав СССР Прибалтийских государств. Известную роль играли сомнения в возможности Красной Армии оказывать длительное сопротивление вермахту, изоляционистские тенденции в США и др.

Однако политический курс, направленный на поддержку Советского Союза в войне против гитлеровской Германии, избранный правительствами США и Великобритании, отвечал жизненным интересам их стран, а поэтому был необратим. Сотрудничество СССР, США и Великобритании расширялось и привело к созданию антигитлеровской коалиции.

Список цитированных источников и литературы

1. Иванов, Р.Ф. Сталин и союзники. 1941 – 1945 годы / Р.Ф. Иванов. – М.: Вече, 2005. – 480 с.
2. Исраэлян, В.Л. Дипломатия в годы войны: 1941 – 1945 гг. / В.Л. Исраэлян. – М.: Межд. отн., 1985. – 480 с.
3. История дипломатии / Под ред. А.А. Громыко (и др.). – М.: Политгиздат, 1975. – Т. IV: Дипломатия в годы Второй мировой войны. – 572 с.
4. Печатнов, В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. / В.О. Печатнов. – М.: Терра – Книжный клуб, 2000. – 752 с.
5. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941 – 1945: Документы и материалы: в 2-х т. – М.: Политгиздат, 1984. – Т. I: 1941 – 1943. – 510 с.
6. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941 – 1945: Документы и материалы: в 2-х т. – М.: Политгиздат, 1984. – Т. I: 1941 – 1943. – 542 с.
7. Фейс, Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / Г. Фейс. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 590 с.
8. Черчилль, У. Вторая мировая война: в 6 т. / У. Черчилль. – М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1998. – Т. 2: Их самый славный час. – 320 с.
9. Черчилль, У. Вторая мировая война: в 6 т. / У. Черчилль. – М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1998. – Т. 3: Великий союз. – 368 с.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БЕЛАРУСИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Лукашевич Ю.В.

УО «Белорусский государственный университет», г. Минск

В текущем году исполняется двадцать лет с момента обретения Беларусью суверенитета – 27 июля 1990 г. Верховный Совет БССР принял Декларацию независимости. По историческим меркам это совсем не много, тем не менее, Республика Беларусь состоялась как самостоятельное государство со своим экономическим курсом, внешней и внутренней политикой. Конечно, за эти годы существенные изменения произошли не только в Беларуси, но и в других государствах – и, в первую очередь, у наших непосредственных соседей, которые стали членами Европейского Союза. Как выразился Глава белорусского государства, «за Брестом и за Ошмянами уже не просто Польша и Литва – за ними мировой экономической гигант» [1].